

“Коль приговор судьбы - мне жить вдали от берегов твоих, То дай мне, Кинерет, успокоиться на твоём погосте“. Это её поэтическое завещание было выполнено: она похоронена на берегу Кинерета, на знаменитом кладбище, где покоятся многие из выдающихся деятелей страны. Рядом с могильным камнем в специальном хранилище лежат книги стихов Рахели. Я не раз видел, как люди доставали томик, читали стихи. Помню школьницу, которая, прочитав одно из стихотворений Рахели, удивленно сказала: “Разве это не народная песня? Я слышу её с детства, и даже не подозревала, что её написала Рахель...”

Примечания

1. Строка из песни поэта Ш.Каценеленбогена “Бутоны“.
2. Борохов Бер (Дов; 1881-1917) - еврейский ученый и общественный деятель, один из виднейших идеологов и лидеров социалистического сионизма. Бен Цви (Шимшелевич) Ицхак (1884-1963) - второй президент Государства Израиль (с 1952 года и до его смерти в 1963 году).
3. Алия (иврит. “восхождение“) - переселение евреев в Эрец-Исраэль на постоянное жительство. Этим же словом принято называть группы евреев, прибывших в Эрец-Исраэль из какой-либо страны или в какой-либо определенный период.
4. Берл Кацнельсон (Дов Бер; 1887-1944) - руководитель и идеолог рабочего движения в сионизме.
5. Халуц - так называли на иврите пионеров-поселенцев, приехавших в начале XX века в Эрец-Исраэль, главным образом из России, чтобы работать и жить на земле.
6. Блюменфельд Элягу - выдающийся еврейский агроном, чьими трудами и заботами озеленены склоны горы Кармель. Публикуемые нами выдержки из его дневниковых записей относятся к тому периоду из жизни Рахель, когда она - перед отъездом на Кинерет - впервые попробовала работать на земле, участвуя в посадках на горе Кармель.
7. Хана Майзель - организатор первой в Эрец-Исраэль учебной сельскохозяйственной фермы для девушек, созданной в 1911 году на берегу озера Кинерет.
8. Шмуэль Даян (Китайгородский; 1891-1968) - один из организаторов первых кооперативных поселений в Эрец-Исраэль - “мошавов“ входил в число основателей “квуцы“ “Дгания-Алеф“, член израильского парламента (Кнессета) первого-третьего созывов.
9. Сара Мильштейн - актриса, мать ученого-историка д-ра Ури Мильштейна, подготовившего самое полное собрание стихотворений Рахели (второе, дополненное издание вышло в 1994 году), включающее также ее переводы, прозаические наброски, переписку, черновики.

Альфред Мансфельд

*Наталья Лакерник
(Иерусалим)*

В нашу эпоху узкой специализации архитектор должен использовать свой творческий потенциал для того, чтобы восстановить нарушенное равновесие между материей и духом; объединить гуманизм и гармонию в столь разнородной человеческой среде. Эти мечты - основа реальности; целесообразность - не всегда практицизм...

А.Мансфельд. “Я верю“.

А. Мансфельд. Автопортрет. 1931 - 1932 г.

Музей Израиля в Иерусалиме расположен на вершине холма, напротив Кнессета, и виден издали. Оба они - Музей и Кнессет - доминанта этой части города. Но архитектурный комплекс Музея воспринимается с разных точек обзора совершенно по-разному. Со стороны долины Святого Креста - плавное, замедленное движение изящных прямоугольных зданий на вершину пологого холма; перед самым входом в Музей - монолитная композиция из белого камня и темного стекла в обрамлении зелени парка. И, наконец, когда посетитель оказывается на территории Музея, он повторяет в своем восхождении к Главному зданию тот лейтмотив плавного движения, который и составил первое зрительное впечатление. Все же остальное - до мельчайших деталей продуманная планировка парка, скульптурные и археологические сюжеты, - сопровождение, обогащающее и усложняющее основную мелодию.

Автор всех этих превращений - Альфред Мансфельд, один из тех людей, что приехали на эту землю задолго до образования Государства Израиль и во многом определили его интеллектуальную жизнь.

Альфред - Аль - родился в России, в Санкт-Петербурге, в 1912 году и уже в 3-летнем возрасте узнал, что такое дорога. Его родители переехали в Москву и поселились в одной из старых слобод недалеко от бульвара Чистые Пруды. До сих пор не забыл Мансфельд деревянные дома - срубы с выступающими на углах бревнами - своеобразный конструктивизм старой деревянной России; совершенно чеховского кучера, лошаденку под дугой, вечно дремавших в конце слободской улицы, по осени и весне заполненной глубокими колеями грязи, а зимой сверкающей снегом или льдом. Особенно же сохранила память сам бульвар с его прудами и тончайшей графикой переплетений тонких темных линий ветвей рябины с яркими красными пятнами ягод.

События первой мировой войны и революционные потрясения не изменили жизни Мансфельдов. Отец Аля, уроженец Латвии, получивший в Риге образование и профессию инженера-механика, по тем временам много значившую, у местных московских властей "буржуем" не числился, хотя и имел нечто вроде дачи под Москвой. Увлекался живописью, да и Аля учил с малолетства. Запомнилось путешествие вместе с отцом в 30-градусный мороз через всю Москву на художественную выставку; большие валенки, проложенные изнутри газетой для тепла, огромная московская толкучка тех лет. Аль учился в немецкой школе - это в революционной-то Москве! Бывало и такое.

Отец хлопотал о получении пропуска беженца - разрешения на выезд из революционной России. В голодную зиму 1921 - 1922 годов мальчик Мансфельд начал свой путь эмигранта. Но разве он мог тогда об этом знать?

6 недель двигался вдоль застывших белых полей товарный поезд со встроенными в вагоны печками-буржуйками. Темные полосы голых лесов то подступали совсем близко к дороге, то уплывали к самому горизонту, и бесконечные деревянные заборы словно повторяли линию рельсов. Опять входила в жизнь черно-белая графика зимы, остро воспринимавшаяся маленьким художником. Он пытался потом восстановить это впечатление на бумаге; рисунок навсегда вошел в его жизнь как сокровенный разговор с самим собой.

Пробыв в Риге самое малое время, четверо Мансфельдов! отправились дальше, в город Либау (теперь он называется Лиепайя). Братья отца занимали достаточно солидное положение в тамошнем

обществе - старший, Лео, был директором банка, а брат Моня - владельцем аптеки; именно к ним предстояло Мансфельду-отцу отправиться через 10 лет в Палестину. А пока, по прибытии в Либау, отец продолжал поиски работы, а Аль - уроки рисования. Через год отец получил в Германии, в маленьком городке Хамм в Вестфалии, место директора фабрики по производству шоколада. С 1923 года 11-летний Аль начинает накапливать свои немецкие впечатления. В провинции их немного: скучное здание фабрики из красного кирпича; мрачный пыльный двор без единого деревца, маленький домик рядом с фабрикой, в котором жила семья директора; почти полное отсутствие друзей и бешеная инфляция.

Прогулки за город, к холму, у подножия которого расположился город. Подняться на этот пологий холм с бумагой и карандашом - какие открываются просторы, зелень лесов до горизонта, вся романтика Вестфалии. Вот когда знаешь, что жизнь не ограничена Хаммом. Альфред переносит свои впечатления на бумагу.

Но вот перед глазами уже 16-летнего Аля Берлин Веймарской Республики, по-настоящему европейский город. Аль окунулся в полную впечатлений, интеллектуально напряженную жизнь столицы.

То было время "Трехгрошовой оперы" Брехта, журналов "Вельтбюне" с блестящими политическими памфлетами Курта Тухольского, - Альфред бережно собирал их, - время бесконечной череды кинозвезд: шли "Голубой ангел" и "Под крышами Парижа". Хотя журналы и фильмы немало занимали Аля, для него Берлин тех лет - это прежде всего выразительная, изогнутая архитектурная пластика торгового дома "Колумбус", а игра ярких бликов световой неоновой рекламы на мокром асфальте - символ большого города, как когда-то черно-белое переплетение ветвей в зимней Москве его детства.

Шло время. 20-летний Альфред заканчивал школу и стоял перед выбором профессии. Он уже давно предполагал, что не станет художником-профессионалом. Рисованию он учился у эмигранта из России, Дмитрия Фалилеева, ставшего близким другом Алю и его отцу. Фалилеев был профессиональным графиком и рисовальщиком, тонким пейзажистом. Его "тихие" работы, увы, мало интересовали публику бурлящего политическими страстями Берлина. Он умел, к восхищению Аля, "читать по руке". Именно таким способом Фалилеев предсказал своему ученику успех - не скорый - на попроще архитектуры.

Добрая Слободка. Москва. 1919 г.

Алю предстояли экзамены в Высшую техническую школу Берлина. Полгода отработав на стройке учеником каменщика - таковы были условия вступительных экзаменов на архитектурный факультет ВТШ, - будущий архитектор, умевший без посторонней помощи возвести кусок кирпичной стены, поступил в семинар Эдуарда Зидлера и навсегда увлекся системой обучения, принятой в Школе: архитектор должен уметь и знать все.

Собственно, идея архитектора-универсала отнюдь не нова и бытует в европейской практике уже более двухсот лет. Но в ВТШ Берлина она проводилась в жизнь настойчиво и планомерно. Через много лет, уже в Израиле, будучи профессором кафедры архитектуры Техниона в Хайфе, Аль попробует построить обучение израильских архитекторов по этому принципу и - потерпит фиаско.

1 апреля 1933 года фашисты объявили бойкот всем еврейским торговым предприятиям и фирмам, а через несколько дней началось систематическое удаление евреев из всех существовавших в то время в Германии учреждений, в том числе и учебных. Еще в феврале 1933 года все евреи и иностранцы обязаны были покинуть курс ВТШ. Учебу удалось продлить до апреля, и вот - два воору-

женных гитлеровца выводят Альфреда Мансфельда из аудитории архитектурного факультета и из здания ВТШ, не дав даже взять пальто с вешалки.

Хотя большинство немецких евреев не могли и не хотели расстаться с иллюзиями, порожденными эмансипацией, с немецкой культурой и языком, все же до 1938 года Германию покинуло около одной трети еврейского населения. Среди уехавших был и Аль Мансфельд.

В его положении недоучившегося студента нечего было и думать о сколько-нибудь серьезной работе. Нужно было продолжать учебу, теперь уже во Франции, в Париже. Поселившись в одной из "меблирашек" на улице Rue de la Santé, Аль начал готовиться ко вступительным экзаменам в Высшую Архитектурную Школу, в ателье Огюста Перре, учеником которого он стал.

На занятиях у Перре господствовали те же идеи - архитектор-универсал, единство проекта; но дисциплина в отношении занятий, подготовки учебных и экзаменационных проектов была жесточайшей - в отличие от Берлина, где "вечные студенты" не были редкостью.

Перре славился остроумнейшими сентенциями. Однажды Аль отважился спросить знаменитого мастера, что же он, собственно, считает истинной архитектурой? Последовал ответ Перре: "Архитектура - это то, что оставляет прекрасные руины". Аль позволил себе усомниться в том, что железобетонные конструкции XX века будут приятно смотреться в качестве руин.

Много времени уходило не только на учебу, но и на отчаянные попытки хоть как-то заработать на жизнь. Конструирование замочков для дамских сумочек и работа над клише для кинотитров не помогали. Денег не было. Впервые прозвучала тема Палестины, когда младший брат Кира, не найдя работы в Брно, уехал к родителям в Тель-Авив; к тому времени отец совместно со своим братом-аптекарем уже организовал там небольшую фармацевтическую фабрику.

Шел 1935 год. Заканчивалась учеба у Перре. Именно в это время британские эмиграционные власти Палестины увеличили квоту на легальный въезд евреев Европы. За два года, 1935 и 1936, в Палестину уехало 135 000 репатриантов. Необходимы были соответствующие документы, сертификат на 2000 фунтов стерлингов. Родители прислали все необходимое, и молодой архитектор отправился в Палестину.

Порт Яффо без всяких признаков причала встретил Аля дикими криками арабов, перевозивших пассажиров и багаж на берег, и английскими чиновниками в пробковых тропических шлемах. Родители привезли старшего сына в скромную квартиру в Тель-Авиве, тогда, в 1935 году, уже достаточно большом городе со 150 000 жителей. Аль приехал в Палестину через год после празднования 25-летия Тель-Авива, когда именем его первого мэра, Меира Дизенгофа, была названа одна из центральных улиц города. Начиналась новая жизнь и поиски работы. Но то, что казалось несбыточным в Париже, здесь пришло сразу. Нужен был архитектор в фирме, организованной эмигрантом из России Львом Сапожниковым, ставшим в Палестине Арье-Эль-ха-Нани. Он был прекрасным рисовальщиком и еще лучшим организатором. Взглянув на рисунки Аля, он сразу принял его на работу, назначив средний гонорар 7 фунтов - сумма по тем временам фантастическая для начинающего. Сапожников - ха-Нани верил в процветание палестинской науки. Его ателье занималось проектированием выставочных стендов для крупных фирм.

Через год после приезда в Палестину, в 1936 году, Мансфельд создает проект городской площади Нетании - одного из быстро растущих сельскохозяйственных поселений².

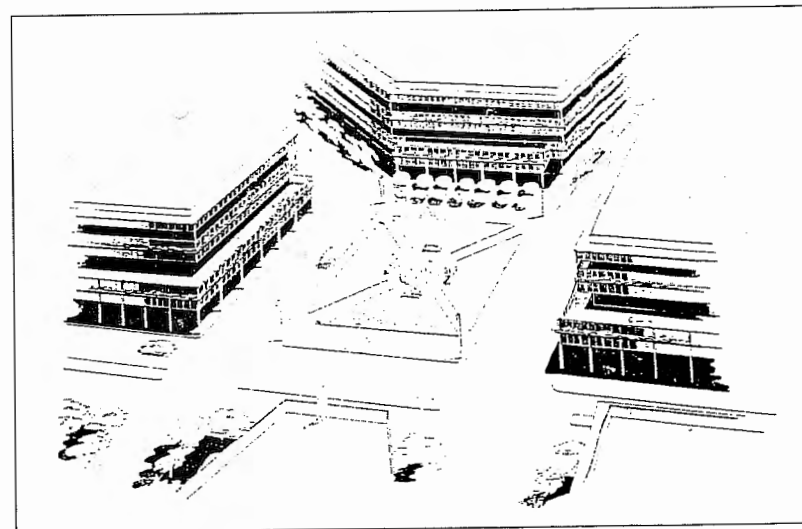
Уже в этом проекте архитектор выразил один из основных постулатов своего творчества:

Нет разницы в том, что планирует архитектор - город, или его часть, или всего один дом. Позиция архитектора во всех случаях должна оставаться неизменной: то, что сам Мансфельд называет "единством идеи". Архитектурный образ должен быть лаконичным без сухости, а его простота элегантно; гармония его линий должны давать возможность развития иной мелодии, в другое время, иными архитекторами - именно по такому принципу и была спроектирована 24-летним архитектором площадь Нетании: трехлучное пространство классицистической архитектуры, открытое в будущем застройки. Кто знает, как выглядела бы сейчас Нетания, если бы идея Аля была реализована.

Много лет спустя соратник Аля, профессор кафедры архитектуры хайфского Техниона, Даниэль Хавкин, напишет в связи с очередной выставкой архитектурных проектов Мансфельда: "Все у него подчинено его профессии - от таланта и хорошего вкуса до поразительной работоспособности. Его архитектурная позиция -

сочетание лучших традиций классицистического и современного течений, которые он впитал в себя будучи студентом в одном из блестящих классов Огюста Перре".

Наивно было бы думать, что Мансфельд был единственным архитектором, занятым обустройством быстро растущих городов Палестины. В 30-е - 40-е годы здесь работал один из крупнейших мастеров архитектурного модерна, родившийся на четверть века раньше Аля; архитектор, прошедший тот же путь творческого становления, но задолго до Мансфельда. Его имя - Эрих Мендельсон. Архитектура его "Колумбус-хауза" в Берлине 1929 года притягивала к себе юношу Мансфельда пластикой динамических геометризованных форм; по его проектам создавался сочный модерн университетов Нюрнберга, Штутгарта и других городов Германии; это он, Мендельсон, в конце тех же 20-х годов проектировал фабрику "Красное знамя" в Ленинграде, а в 1932 г. представил на конкурс проект Дворца Советов в Москве, используя везде все тот же контраст стекла и бетона, смелые ракурсы геометрических линий, применяя самые современные методы строительства. Звезда Мендельсона привела его в Палестину в 1934 году, за год до приезда Мансфельда. И в то же время, когда Аль создавал первые проек-

Проект городской площади в Нетании. 1936 г.

ты фрагментов будущих городов своей новой родины, нащупывая, определяя собственную творческую позицию, прославленный архитектор старшего поколения проектировал и строил крупные больницы и банки в Хайфе и в Иерусалиме, безусловно, во многом определившие облик израильских городов.

Но - как бы ни было значительно созданное Мендельсоном³, мир его архитектурных интересов раз и навсегда был упорядочен, очерчен рамками его сформировавшегося стиля. Самая широкая география творчества - Германия, Россия, Палестина, Америка - ничего не изменила в его "почерке": Эрих Мендельсон не воспринял стилевого и культурного многообразия мира.

В 1941 году 54-летний Мендельсон покинул Палестину. 29-летний Мансфельд остался. Повторяя географически тот же учебный "путь", Аль прошел дорогами нового поколения архитекторов, дорогами иного направления, конструктивизма; тогда, в 30-е - 40-е годы, молодого, открытого для других культур и традиций.

Аль Мансфельд, недавно приехавший в Палестину и почти сразу приобретший роскошь свободы творчества и признание, - I премия за проект площади в Нетании стала безусловной победой, и немалой, - был полон идей. Способность тонко наблюдать и чувствовать; сплав гибкой концепции стиля, на волне которого он учился и формировался, собственное дарование - были залогом создания его шедевра, Музея Израиля.

В следующем, 1937 году, он переехал в Хайфу и навсегда связал с этим городом свою жизнь и творчество. Совместно с молодым архитектором Мунио Вайнраубом он организовал свое собственное бюро, которое существует и по сей день и давно стало семейным делом: Аль возглавляет и координирует работу своих сыновей и невесток. В годы второй мировой войны бюро Мансфельда проектировало в основном жилые дома, коттеджи в Хайфе, на горе Кармель, не создавая глобальных проектов.

Зато середина 50-х годов и последующее десятилетие явились эпохой в творчестве Аля - эпохой, связанной с уникальным явлением в жизни Израиля. Сегодня об этом уже никто практически не помнит, а тогда, в течение целых 10-ти лет, израильские архитекторы, дизайнеры и художники, сотни людей во Франции и Германии создавали корабли израильского пассажирского флота. В эту работу были вложены колоссальные средства. Сам Аль назвал это время "эпохой кораблей". В середине 50-х, 60-х годов Израиль обла-

дал весьма значительным торгово-пассажирским флотом: число судов среднего водоизмещения превышало сотню. И именно в первое десятилетие существования Израиля и были созданы большие корабли и жемчужина флота - флагман "Шалом". Все они создавались как один из видов репараций послевоенной Германии государству Израиль - сначала в самой Германии, на знаменитой Гамбургской "Немецкой Верфи", затем во Франции - там и был построен "Шалом". Месяцами, сменяя друг друга, работали архитекторы Мансфельд, Вайнрауб и дизайнер Дора Гад. Творчество архитектора флота давало возможность постоянных поездок - это было время плодотворных контактов с современной архитектурой Европы.

Вот что об этом периоде говорит сам архитектор: "'Шалом', - флагман молодого израильского флота, трансатлантический лайнер водоизмещением 25 000 тонн, апогей торгово-пассажирского флота навигационной компании 'ЗИМ'. Когда в 1962 году нашей команде было поручено создать дизайн корабля, самого большого в компании, у нас уже был некоторый опыт в планировании корабельных интерьеров; опыт, накопленный в процессе архитектурного оформления кораблей 'Израиль', 'Сион', 'Теодор Герцль', 'Иерусалим' и 'Родина', сконструированных в доках Европы в 1956-61 годах. Приглашение создать дизайн самого большого судна международного класса, который по праву считается израильским плавучим посланцем, вынуждало нас по-новому огнестись к нашим архитектурным целям. Казалось уже недостаточным, чтоб этот корабль сочетал в себе последние конструктивные достижения и безопасность для пассажиров; или чтобы комфорт не был навязчивым; или чтобы архитектурные формы были гармоничны.

Мы решили создать то, что можно определить как 'единство частностей', где каждая отдельная часть подчинена общему замыслу и в то же время существует сама по себе. Конечной целью было создание совершенно особенной атмосферы плавания на израильском корабле. Но это должно было быть сделано ненавязчиво. Нам кажется, что на 'Шаломе' все виды искусств успешно сочетались и наша цель была в основном достигнута благодаря тесному сотрудничеству художников и архитекторов"⁴.

В статье "Кредо" ("Я верю")⁵ Мансфельд пишет о том, что оформление кораблей полностью отвечало его художественным принципам. "Я верю в ответственность архитектора перед обще-

ством. Я верю, что результатом этой ответственности является отношение к дизайну как важнейшей составляющей, а именно: нет существенной разницы между дизайном города, здания, стула, ложки...“⁶

“Настоящий архитектор должен стремиться к универсальности восприятия“.

В 1963 году флагман “Шалом“ отправился в свое первое плавание по Средиземному морю с заходом в Стамбул, Афины, Венецию и Дубровник. Столь триумфальное начало явилось одновременно закатом; 10 лет труда ради одного мгновения триумфа; то ли потому, что середина 60-х годов стала началом быстрого развития воздушного пассажирского флота; то ли потому, что не было средств на содержание больших кораблей; кроме того, строгие предписания кашрута отнюдь не способствовали популярности этого вида туризма на израильских кораблях. Но так или иначе, трагедия свершилась. Пустовавшие корабли были распроданы один за другим, последним - “Шалом“. Новые хозяева поспешили освободиться от всего, что напоминало прежнего владельца, - исчезли панно, витражи и мебель. Остались только плохонькие черно-белые фотографии. Так бесславно закончилась “эпоха кораблей“. Сегодня израильского пассажирского флота в глобальном смысле этого слова не существует. А “Шалом“ совершает круизы по Средиземному морю под греческим флагом...

В 1957 году Мансфельд представил на Международный конкурс проект Музея Израиля в Иерусалиме и получил I премию. Музей - огромная глава в книге жизни архитектора. На холме, до тех пор совершенно пустом, был оформлен фрагмент города, в котором реализовалась глобальная идея, - помните, “Шалом“? - “Каждая отдельная часть подчинена общему замыслу и в то же время существует сама по себе“. А ведь корабли и Музей создавались в одно и то же время. “Каждая составляющая, будучи совершенно сама по себе, составляет возможность для развития пространства вокруг нее, что позволяет добавлять, развивать композицию, не нарушая ядра и образа в целом“. Проект Аля был ответом на кардинальный вопрос - каким же, собственно, должен быть главный музей Израиля? Одно большое здание или система построек? Подражание крупным и известным музеям мира или что-то принципиально новое? Обсуждение вопроса об облике музейного здания, территории, его окружающей, - проблема глобальная. Для Манс-

Музей Израиля

фельда с самого начала было ясно - его проект должен нести двойственную идею Музея: фрагмента Иерусалима и Музея как части общечеловеческой культуры. И то, что вызревало в “виделось“ в душе и в сознании, превратилось в идеальный сплав европейской, средиземноморской и арабской культур. Вряд ли посетители Музея Израиля в Иерусалиме анализируют свои ощущения, начиная движение к вершине холма. Изящные, пропорциональные, созданные по единому модулю объемы - ступени здания Музея утонули в парковой зоне, гармоничной, продуманной до мелочей. Ощущение гармонии пространства, впитавшего в себя еврейские мозаики эпохи Византии и современную скульптуру; а внутри самого Музея нарядность внутренних двориков и неутомительная бесконечность уютных залов.

“Имеющий в кармане мускус не кричит об этом на улицах. Запах мускуса говорит за него“, - эти слова принадлежат великому Саади. Он произнес их несколько столетий тому назад, но они соотносятся с мансфельдовским творением.

Холм заполнялся архитектурным узором в течение 25-ти лет. Иерусалим, с его простором и пластикой гор и их величественной панорамой, способной поглотить все лишнее, несовершенное, лю-

бую дисгармонию, - трудный экзамен для архитектора. Мансфельд выдержал его. Для координации действий с другими архитекторами, участниками конкурса, и с меценатами, была организована поездка Мансфельда в США и Канаду. Его миссия в Монреале была весьма щекотливой: просить семью Бронфман о финансовой помощи Музею в размере 1 млн долларов - для создания выставочных залов археологического отдела. На вопрос Бронфманов, как долго пробудет господин Мансфельд в Монреале, архитектор ответил: "Столько, сколько времени потребуется, чтобы изложить Вам планы нашей работы". Чек на 1 млн долларов был получен незамедлительно, ибо оказалось, что Мансфельд был первым израильтянином, обладавшим нужным временем для детального обсуждения проблемы, - значительно большим, нежели между двумя самолетами.

Свое стремление к проектированию и возведению развернутых архитектурных композиций Аль пытался реализовать неоднократно. В 1977 году был объявлен конкурс на проект нового жилого района "Шаар Алия" в Хайфе, между морем и горой Кармель; этот район должен был стать первой в Израиле системной жилой застройкой, создаваемой единым индустриальным методом. Проект Аля получил первую премию, и строительство началось. Но радость была преждевременной. По проекту построили лишь небольшую часть домов, его ядро. А вся идея, в ее единстве, не была доведена до конца, и "мансфельдовские" дома были "потоплены" среди скучных, стандартных зданий. Сработал принцип сиюминутной дешевой экономии. Город заплатил за него отсутствием красивого, удобного и уютного жилого массива, так же как и отсутствием единого культурного и торгового центра на горе Кармель, на ее "столе" - вершине, над просторами Средиземного моря. Финал работы над проектом нам уже знаком - 1-я премия на конкурсе, всеобщий восторг и - возведение единственного здания из всего проекта, известного как "Аудиториум". Он вырван из архитектурного контекста, лаконичен по форме, изящен и звучит как цитата из всего замысла, отражая тонкий вкус автора.

Отнюдь не случайно в одно и то же десятилетие в различных городах Израиля возникла потребность в создании единых крупных архитектурных центров. В 1963 году проходил конкурс проектов на создание муниципалитета в Иерусалиме. Мансфельд предложил два независимых варианта: проект с высотной доминантой и - как анти-

тезу - постройку, растворяющуюся в окружающей архитектурной среде. После продолжавшейся несколько дней дискуссии жюри отдало предпочтение первому варианту, получившему, соответственно, первую премию. Проект предполагал иерусалимский муниципалитет как "единство частностей"- соотношений разновысотных прямоугольных зданий, образующих городскую площадь, с царившей над ней доминантой, и парка, - целый фрагмент города. Но - началась эпоха Тедди Коллека, и новые архитектурные решения определили выбор нового пространства для строительства. С этого момента в творческой судьбе Аля проявляется нечто роковое; на пути осуществления его идей встают политические события.

В середине 60-х годов Мансфельд проектирует Правительственный центр - целый город в столице Нигерии, Энугу, - достаточно увлекательный сюжет в истории взаимоотношений Израиля с африканским государством, стоявшим в то время на пороге получения независимости. Мансфельд отправился в Нигерию, чтобы принять участие в конкурсе проектов. Его проект получил первую премию, и строительство Центра казалось вполне реальным. Но из-за коррупции, пропитавшей нигерийский государственный аппарат, заказ был, за спиной Мансфельда, передан некоей лондонской фирме, впоследствии также потерпевшей фиаско в этом начинании. А Мансфельд тем временем по личному заданию тогдашнего президента Нигерии Намди Ацикива работал над проектом университета, долженствующего быть возведенным на территории родной деревни президента - Нзукка. Только через год был подписан контракт на строительство Правительственного центра, но у Нигерии, ставшей за это время независимой, появились иные проблемы, ей было не до строительства и, кстати сказать, не до гонора архитектору. Однако хорошо знавшие проект и видевшие по истечении некоторого времени этот район столицы с самолета, утверждали, что часть идеи архитектора была Нигерией осуществлена. Назревал громкий скандал. Но государство Израиль отнюдь не было склонно подавать жалобу на Нигерию в Международный кассационный суд в Гааге.

Подписание Кемп-Дэвидского мирного договора между Израилем и Египтом явилось высшей точкой в цепи созданных Мансфельдом архитектурных проектов международного значения, находивших всеобщее признание и фатально не реализованных.

Еще до подписания договора, в сентябре 1979 года, Садат вы-

сказал идею основания у горы Моисея, на Синае, Центра трех монотеистических религий - иудаизма, христианства и мусульманства - с целью изучения истории религий, создания места для некоего интеллектуального паломничества, для мира, согласия, взаимопонимания. Как профессионала и творца в самом широком смысле слова Мансфельд захватил глобальность замысла. Он начал напряженные поиски архитектурного решения и предложил президенту

Проект Центра трех религий

Международного Союза архитекторов - Пьеру Ваго - учившемуся так же, как и Аль, у Перре, тройственный союз: он, Пьер, католик-француз; Мансфельд - еврей из Израиля; и - кто третий? Пьер выдвинул кандидатуру молодого египетского архитектора Хассана Мухаммада Хассана. Впоследствии сам Садат выразит желание включить в этот союз еще одного египетского архитектора. Но вначале эта неповторимая "троица" дружно начала работу над небывалым в истории архитектуры проектом. Хассан Хассан весьма способствовал продвижению работы: министр реконструкции, он прекрасно знал всю правительственную иерархию и самого Садата. Первая встреча "троицы" после основательного индивидуального обдумывания рабочего варианта проекта произошла через полгода на нейтральной греческой территории, вблизи Афин. За основную была принята концепция Мансфельда: на высоком мощном каменном подиуме у подножия горы Моисея возводится композиция из трех архитектурных сюжетов - символов, своими формами олицетворяющих пути монотеизма.

Прошло еще полгода, и все трое встретились уже в Париже, где к ним присоединился Эль Римали, получивший архитектурное образование в Цюрихе; его идеи относительно проекта совпадали с

уже разработанными. У себя в бюро, в Хайфе, Мансфельд готовил модель для презентации и в связи с этим три раза посетил Египет по приглашению канцелярии Садата.

Презентация проекта состоялась в летнем доме президента, длилась около часа; от встречи осталось теплое чувство надежды - уж очень большое значение Садат придавал созданию Центра. Работа двигалась вперед быстро, слишком быстро. После стольких срывов и драматических совпадений едва верилось в реальность счастливого финала. Прошел еще год, и наступил октябрь 1980 года - юбилей посещения Садатом Иерусалима.

20 октября 1980 года на Синае состоялась торжественная церемония подписания договора о создании Центра трех религий. Коллектив авторов представлял израильтянин Мансфельд. Через некоторое время, находясь в Швейцарии, в Асконе, Аль услышал переданное по телевидению сообщение о попытке государственного переворота в Египте и о трагической гибели Садата. Сказка так и не стала былью...

Архитектура вобрала в себя многие формы творчества. В сущности, вся человеческая жизнь ограничена определенным пространством, создаваемым самим же человеком. Поэтому всегда так велика ответственность архитектора по отношению к обществу, в котором он живет с мечтой о совершенном создании своих рук.

Архитектура, безусловно, требует универсальных знаний. Идея универсальности шире понятия профессии - это мировоззрение. Это и есть то, что Мансфельд в своем "Кредо" называет "восстановлением равновесия между материей и духом".

Будучи руководителем кафедры архитектуры хайфского Техниона, Мансфельд еще 20 лет тому назад сделал попытку организовать весь процесс обучения студентов по принципу "студии" или "ателье". Он убежден в правильности этого пути - научить будущих архитекторов воспринимать проект как единое целое, включая все "вспомогательные" дисциплины: "архитектор должен уметь и знать все". Этим планам не суждено было осуществиться - необходима была перестройка всего "учебного процесса"; кроме того, такая система требует весьма высокого уровня всего преподавательского состава.

Аль Мансфельд не только прекрасный организатор, он - путешественник, стремящийся увидеть мир; художник, не расстающийся со своим альбомом и сейчас. Вернее, это уже целая серия аль-

бомов, рассказов - зарисовок его впечатлений о людях и странах. И сейчас его волнует переплетение ветвей деревьев, которые он посадил уже почти 40 лет тому назад во дворе своего дома в Хайфе, на горе Кармель; одно из них своими ярко красными зимними ягодами напоминает Москву его детства.

Мансфельд вышел из архитектурной школы, носящей название "конструктивизм". Он учился и создавал свои первые проекты тогда, когда это направление переживало "героические времена" своего расцвета. Называя себя "конструктивистом", Аль имеет в виду нечто большее, чем узкостилевое направление. Собственно, он не до конца последователен в нем: его талант, как писал профессор Хавкин, чудесным образом соединил универсальные идеи архитектора - гражданина классицистической эпохи и молодого и сильного приверженца конструктивизма 30-х годов с его тесной связью технической стороны творчества, эстетики и дизайна. Неосуществленные проекты отнюдь не поражение архитектора. Его тонкий вкус и мастерское владение линией и формой - как, например, в проекте Мавзолея в Рангуне, в Бирме, у подножия самой большой пагоды в мире - Шве Дагон - "переливание" друг в друга геометрических объемов, создающих центральный зал Мавзолея, - вся его творческая концепция, - новый виток архитектурных идей в непрерывной цепи творчества.

Большая часть проектов мастера не была реализована. Так что же это? Поражение? Гибель творца? Или наоборот - победа? Победа нереализованной идеи.

Несколько отвлекаясь от сюжета нашего повествования, хочу напомнить читателю об известной легенде, связанной с именами короля Артура и волшебника Мерелина.

Совсем тогда еще молодой король после поражения в войне с волшебным рыцарем едет с Мерелином по глухому лесу. Мысль о поражении не дает ему покоя и без своего королевского меча он не чувствует себя рыцарем. Мудрый Мерелин успокаивает Артура: "Победивший может ощущать себя побежденным и побежденный - победителем. Все относительно. Победа или поражение внутри самого человека".

Вероятно, сам Мансфельд ощущает себя победителем. И не может быть иначе, потому что его идеям принадлежит будущее. Будущее израильских городов.

Примечания

1. Младший брат Аля, Оскар (Кира), родился в Москве.
2. Нетания получила статус города в 1948 году.
3. Эрих Мендельсон род. в 1887 г. в гор. Ольштын (Вост. Пруссия, ныне - Польша). Закончил ВТШ в Берлине, Архитектурную школу в Мюнхене, Высшую архитектурную школу в Париже. В Палестине конца 30-х годов спроектировал и построил две больницы в Хайфе (одна из них - больница "Рамбан"); в Иерусалиме - б-ца "Хадасса" на горе Скопус; Англо-Палестинский банк, известный нам как "Банк Леуми ле Исраэль"; дом Хайма Вейцмана и др. С 1941 г. жил и работал в США, где построил несколько синагог в различных городах страны. Умер в 1953 г. в Сан-Франциско.

4. "Shalom" - Integration of Art and Design // Ariel: A Review of the Arts and Sciences in Israel (Jerusalem). 1966, N13. P.5-12.

5. Mansfeld A. Credo (I believe) // The Kokusai-Kentiku: The International Review of Architecture: Issue devoted to the Work of A.I. Mansfeld. - Tokyo, 1967. P.9.

6. Сейчас на наших глазах возник - недалеко от стен Старого Города - новый муниципалитет Иерусалима, "вписанный" в оставшийся практически нетронутым современной застройкой архитектурный ландшафт центра города. Инвеститоры проекта - семья Райхман (Канада); авторы проекта - архитектурное бюро Джека Даймона (Канада) и иерусалимское бюро А.Колкер, О.Колкер и Р.Эпштейн.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Werkzeugzeitung Deutsche Werft (Hamburg). 1955. N2. S.2, 8-9.
2. Strukturformen der modernen Architektur von Kurt Siegel. München, 1960. S.199.
3. Competition for the Architectural Treatment of the Central Square, Natanya. First Prize - A.Mansfeld // Habinyan Bamisrah Hakarov (Tel-Aviv). 1936. N9-10.
4. Architect's own House at Haifa // Architectural Design (London). 1963. Oct. P.469.
5. "Shalom": a Seaboard Gallery of Modern Art and Design // Interiors (NY). 1964. Nov. P.82-89.
6. Rathaus in Jerusalem (Modell). (S.9); Israel Museum in Jerusalem (S.25, XII); Mausoleum in Rangun (Modell) (S.43); Wohnblock in Haifa (S.198, XXIV) // Neues Bauen in der Welt. 1965.
7. Mansfeld A. Architecture in Israel. Past and Future // Technion-Magazine (Haifa). 1970. Feb.
8. The Israel Museum at twenty // Ariel: A Review of Arts and Letters in Israel (Jerusalem). 1985. N60. P.16-17.